

УДК 94(47)

**«ГЕРМАНСКАЯ УГРОЗА» И РОССИЙСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ
В ПРИКАСПИЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ ИРАНА В ЭПОХУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

© 2024 А.Б. Ларин

Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

Статья поступила в редакцию 19.11.2023

В статье ставятся вопросы влияния германского/немецкого фактора, «германской угрозы» на становление и развитие российского землевладения и переселенческой колонизации в прикаспийских провинциях Ирана. Отмечено, что в условиях кануна, а затем и начала Первой мировой войны данный фактор играл важную роль как в смысле реализации практических мер по освоению Астрабадской и Мазандеранской провинций Россией, так и в плане формирования дискурса обсуждения данного вопроса представителями государства и в СМИ, публицистике. Показано, что данная проблематика может быть рассмотрена на нескольких уровнях и в нескольких измерениях, намечены основные направления дальнейшего изучения темы.

Ключевые слова: Россия, Иран, Астрабад, Мазандеран, Первая мировая война, Переселенческое управление, переселенчество, немцы.

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-1-139-149

EDN: PVVWXM

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011 («Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны»), <http://rscf.ru/project/22-18-00011>

Сложившаяся к началу XX столетия макросистема империй являла собой сложную совокупность участников, переплетенных многочисленными и разнообразными связями, интересами, зависимостями и противоречиями. Старые подходы национальных историографий, тяготевшие к изолированному рассмотрению внутренней и внешней политики отдельных государств, не позволяли в полной мере раскрыть сущность и особенности функционирования этой системы. Сложно приблизиться к ее пониманию без учета многообразных трансферов, взаимных влияний, пересечений, диффузных проникновений, фронтальной

Ларин Андрей Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Новой и Новейшей истории. E-mail: ab-larin@mail.ru

политики и т.п.¹ В этом отношении *Belle Époque*, а тем более – период Великой войны представляют максимальный интерес, поскольку показывают плотный, осязаемый характер межимперского взаимодействия, что проявилось особенно выпукло в военные годы, когда оно приобрело конфликтный характер, и старые связи, даже сращения, стали разрываться. Изучение отдельных локальных вопросов позволяет на конкретно-историческом материале рассмотреть феномены такого рода. В этом смысле *персидский вопрос* (в терминологии эпохи) весьма показателен и интересен, так как дает возможность увидеть особенности функционирования имперского государственного организма на разных уровнях, в разных масштабах и форматах. В частности,

большой интерес представляет феномен российского землевладения в Иране в начале XX в.

Приобретение русскими подданными земель в Северной Персии, прежде всего – в прикаспийских провинциях, – это один из тех кейсов, которые позволяют представить более выпуклую картину имперской политики во всей ее сложности и неоднородности. Этот феномен имеет смысл рассматривать с разных ракурсов, под разными углами, не сводя его объяснения к одной или нескольким причинам, лежащим в одной плоскости восприятия. Затрагивая интересы различных акторов, не только на уровне межгосударственных отношений, но и внутри самой Российской империи, вопрос землевладения в Иране становится одним из ключевых на данном направлении накануне и в годы Первой мировой войны. Имеет смысл взглянуть на него в контексте набиравших силу в начале столетия опасений «германской угрозы», ставших в 1914 г. политической реальностью, повлекшей за собой весомые трансформации внутри страны и вовне.

Значимое российское землевладение появляется в Иране сравнительно поздно – незадолго до Первой мировой. Если говорить о прикаспийских провинциях, в частности – Астрабадской, то протагонистом выступил консул К.В. Иванов, приобретший имение в компании с несколькими офицерами. Его примеру последовали другие, в частности – пограничный комиссар в Персии (г. Гомбеде-Кавус) ген.-майор К.В. Лавров, а также другие офицеры и частные лица². Итак, как видно, в вопросе землевладения в стране государственный и частный интересы оказались тесно переплетены, уже на персональном уровне. Одновременно полустихийно возникает и крестьянское движение на приграничные территории Ирана. Первое поселение возникло рядом с рыбными промыслами Лианозова в 1907 г. По мере распространения слухов о богатстве и доступности персидских земель поток колонистов растет, что приводит к по-

явлению новых поселков: Саратовский, Покровское, Хундуз, Донское, Крещенское, Михайловское и Рождественское³. Вопрос начинает интенсивно обсуждаться на различных уровнях как внутри России, так и вовне, причем одним из элементов дискуссий изначально становится иностранный, прежде всего, германский фактор.

Источники той эпохи – главным образом дипломатические, но также и пресса, и публицистика – наглядно демонстрируют какое серьезное значение придавалось этому фактору при обсуждении различных вопросов. При этом хорошо видно, насколько тесно переплетаются в данном случае проблемы политики внутренней и внешней, так что едва ли возможно уже провести точную границу между первыми и вторыми. Отчасти это связано с самой спецификой имперской активности на иранском приграничье. В самом деле, доминирующее положение России на севере Ирана, формально закрепленное конвенцией с Великобританией 1907 г., позволяло ей чувствовать здесь себя хозяйкой положения и проводить линию, по ряду признаков не отличимую от внутренней политики на имперских окраинах. Это находило отражение как в практике, так и в риторике.

Если говорить о первом, то в контексте проблемы российского землевладения и землепользования в приграничных к России иранских провинциях нужно отметить заметное сходство с теми моделями (внутренней) колонизации, что были свойственны для Империи на предыдущих этапах ее развития. Историкографическая традиция, восходящая к В.О. Ключевскому с его фразой о том, что «История России есть история страны, которая колонизируется»⁴, уделяет немалое внимание тем процессам, что на протяжении нескольких столетий приводили к освоению тех или иных, прежде чуждых, территорий. И ключевым элементом такого освоения выступала земледельческая колонизация, будь то крестьянская либо казачья. При этом уже с XVIII века большую роль в этих процессах, если речь идет о Поволжье,

Причерноморье, Закавказье, играли этнические немцы-колонисты. Привлеченные обширными возможностями для хозяйственной жизни, возможностью исповедовать свою веру *etc.*, немецкие переселенцы сыграли значимую роль в освоении обширных регионов Империи, их хозяйственно-экономической интеграции с центральными областями страны⁵. Эти процессы на низовом уровне сочетались с высокой ролью этнических немцев, прежде всего остзейцев, в системе государственного управления в целом⁶.

Если смотреть на проблему российско-го проникновения в прикаспийские провинции Ирана, возникновения там крестьянских поселений (и крупных хозяйств) в этом контексте, то можно увидеть, что и в данном случае обнаруживается проявление этой характерной для России окраинной политики. В самом деле: по собранным Переселенческим управлением данным, в 1914 г. в Астрабадской провинции насчитывалось 32 хозяйства этнических немцев, что составляло 7% от общего числа хозяйств⁷. С одной стороны, эта цифра невелика, с другой – вполне соответствует общей тенденции, уже с XVIII столетия предполагающей активное участие немцев России в колониационном освоении окраинных земель.

Нужно отметить, что участие русских немцев в освоении края шло и по другой линии, через приобретение крупных земельных владений. И здесь уже серьезную роль играли остзейцы. Вот как писал об этом начальник Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин, совершивший поездку в регион весной 1916 г.: «Астрабадская и Мазандеранская провинции Северной Персии начали привлекать к себе за последние годы особое внимание предпринимателей. Сюда, вдруг, потянулись сотни русских переселенцев, а незадолго перед настоящей войной и немецкие хозяйства, среди которых, подобно феодальному владельцу, обосновался в своем замке фон-Самсон, бывший Управляющий делами Прибалтийского дворянства»⁸. Это были уже хозяйства, изначально

ориентированные на товарное производство. Как сообщал в своей обстоятельной работе А.М. Сахаров, описывая крупные экономии края, большей частью из них владел «местный служилый и вообще старожильческий элемент и частью пришлецы из Закаспийской области», т.е. люди, ранее знакомые с краем. «И только немецкое товарищество “Астрабад” является продуктом капитала, издавлека высмотревшего точку для своего выгодного приложения...»⁹. Так или иначе, подобные формы проникновения в регион, овладения им – будь то в форме переселенческой колонизации либо в виде привлечения капитала – с участием немцев России были вполне обычной формой освоения периферии.

Характерно, что подобное отношение к приграничным иранским провинциям – скорее как к российским окраинам, нежели как к территориям другого суверенного государства – было достаточно распространенным, типичным и проявлялось в риторике той эпохи. Скажем, соответствующий раздел цитированного выше отчета Переселенческого управления называется «Колонизация приграничных районов» и содержит данные о «колонизации русскими переселенцами приграничных с Персией и с Китаем районов»; подраздел именуется «Район, приграничный с северной Персией» и начинается фразой: «Северные провинции Персии Гилян, Мазандеран и Астрабад, высокими горными хребтами отделенные от остальной территории государства и тесно связанные с Россией Каспийско-волжским водным путем...»¹⁰. Чиновник Переселенческого управления, направленный в Астрабадскую провинцию для исследования ситуации на местах и оказания помощи переселенцам, Б.В. Бессонов в 1915 г. опубликовал серьезную работу, посвященную вопросу. В финальной части ее он заключает, что хотя русских колонистов пока немного и «они представляют собою пока только жалкие и разрозненные кучки пионеров освоения персидских земель русским народом, но надо предвидеть, что исконное его

стремление – колонизовать прилегающие к его территории пространства – и тут не отступит от обычного своего течения и заставит русский народ направить сюда новые кадры засельщиков, которые все крепче и все глубже будут занимать те земли, куда их направил здоровый инстинкт, пока не создастся здесь такая же окраина Руси, каких уже много образовалось таким же путем на протяжении ее многовековой жизни»¹¹. Примеров такого рода достаточное количество. Конечно, нужно учитывать ведомственную специфику восприятия вопроса чинами Переселенческого управления, однако подобного рода отношение вовсе не было чем-то исключительным и вполне характерно и для представителей других структур, в том числе МИД, пусть и, быть может, в несколько иных формах. Во всяком случае поговорка «Курица не птица, Персия – не заграница» бытовала в эту эпоху¹².

Возвращаясь к основному вопросу, следует заметить, что помимо вышесказанного существовала серьезная специфика ситуации в персидской «окраине» в рассматриваемый период. Несмотря на доминирующее положение России на севере, так или иначе Каджарский Иран был отдельным государством, что, во-первых, требовало учитывать позицию Тегерана, а во-вторых – других великих держав, имевших интересы в регионе. Традиционно – Великобритании, однако в начале XX века – и Германии. Трения с первой по персидскому вопросу к 1914 г. серьезно обострились. Между сторонами не было согласия в вопросе интерпретации соглашения 1907 г.; со стороны британцев часто звучали обвинения в адрес российских представителей в Иране в том, что они нарушают принцип «независимости и территориальной целостности» Персии, заявленный в конвенции¹³.

Однако если отношения с Британией в регионе – при всей их сложности и запутанности, обусловленными наследием Большой игры – были все же отношениями со старым соперником/партнером, то активизация политики Германии на Ближнем и

Среднем Востоке в начале XX в. вызывала серьезное беспокойство. Это задавало определенный контекст восприятия многих вопросов, в том числе и связанных с освоением прикаспийских провинций, развитием там русского землевладения и переселенчества. Германский фактор в междержавной конкуренции в регионе влиял на позиции Петербурга и представителей на местах, что хорошо видно по дипломатической переписке. Еще в мае 1911 г. консул в Астрабаде К.В. Иванов призывал воспользоваться благоприятным моментом для скупки русскоподданными участков в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, поскольку в противном случае время может быть упущено, так как «с восстановлением же порядка в крае цены на землю быстро возрастут и возможно также, что при изобилии капиталов и человеческой энергии в Западной Европе, крупные иностранные компании, для которых и возросшие цены на землю покажутся пустяками, проникнут и сюда...». По словам консула, слухи об образовании иностранных компаний в Мазандеране для эксплуатации его природных богатств уже ходят, более того, проезжавший через Астрабад военный атташе германской миссии в Тегеране граф Каниц увез с собой образцы почвы обеих провинций¹⁴.

Летом 1913 г. российский поверенный в делах в Тегеране Е.В. Саблин просил (ссылаясь на циркулярный запрос Первого департамента МИД) консула в Астрабаде К.В. Иванова прислать «подробное и мотивированное» заключение по вопросу о внесении изменений в Туркманчайский трактат 1828 г. Причем он непосредственно связывал эту проблему с землевладением, высказывая пожелание, чтобы консул как можно полнее осветил бы «вопрос о создании надлежащих условий для скорейшего и прочного расширения площади нашего землевладения». Характерно представленное Саблиным обоснование для подобного острого интереса:

«Вопрос о землевладении требует особого тщательного и всестороннего предвари-

тельного обсуждения, ибо можно опасаться, что на случай полной официальной отмены ограничительных постановлений Туркманчайского Акта для русского землевладения, другие Европейские государства не замедлят потребовать распространение права приобретения недвижимостей и для своих подданных, которые, как более состоятельные, организованные и опытные в деле колонизации могли бы легко оказать нам весьма нежелательную конкуренцию, что уже и ныне делается немцами в Тавризе и Урмии». В этой связи он полагал предпочтительным найти иной способ расширения русского землевладения, без внесения изменений в Туркманчайский трактат, «постановления коего можно было бы использовать как защиту против надвигающихся иностранных предпринимателей...»¹⁵.

Это опасение иностранной конкуренции в регионе было общераспространенным, являлось органичной частью общего дискурса обсуждения проблематики еще до начала Великой войны. Российский пограничный комиссар в Персии ген.-майор Лавров в своем отчете за 1913 г., составленном в мае 1914 г., расписывая перспективы и сложности русского землевладения и заселения подведомственного ему Горган-Атрекского района русскими колонистами, затрагивает в том числе и вопрос создаваемой крупной землевладельческой Горганской концессии войскового старшины Святополк-Мирского, которую он очевидным образом поддерживает. Так, он сообщает: «Преследуя чисто коммерческие цели, Гюргенская Концессия, однако, обязуется служить в этом крае исключительно русским интересам. Созданием этой концессии делается крупный шаг к культурному завоеванию Астрабадской провинции»¹⁶. Характерно, что среди прочих аргументов в пользу концессии звучит и следующий: «Политический момент в настоящее время таков, что к культурному завоеванию Персии стремятся все великие державы. Англичане, немцы, французы, даже бельгийцы и шведы шлют своих подданных в Персию,

облегчают им создание концессий и торговых предприятий»¹⁷. Итак, немцы стоят на втором после англичан месте. Схожие соображения по вопросам развития русского землевладения, роли фактора иностранной конкуренции приводились и генеральным консулом в Иранском Азербайджане¹⁸. Часто обращается внимание на то, что предприятия иностранцев в Иране пользуются поддержкой собственных правительств, а следовательно и России необходимо приложить усилия в этом направлении.

Беспокойство ввиду угрозы конкуренции со стороны Германии было вполне понятно и обосновано. В результате активизации ее политики на Ближнем и Среднем Востоке она становится крупным региональным игроком. Особое значение имела Багдадская железная дорога, в контексте которой нельзя забывать о подписанном в августе 1911 г. Потсдамском соглашении, предполагавшем строительство ветки этой магистрали от Ханекина (на границе Османской империи и Ирана) до Тегерана¹⁹. Потенциальное проникновение промышленно мощной и экономически развитой Германии в североиранские регионы, связывание их посредством железной дороги с европейским рынком вызывало естественную обеспокоенность в России, где привыкли воспринимать Северную Персию в качестве «заднего двора». Если с Британией вопросы были худо-бедно урегулированы в 1907 г., то признание в 1911 г. «коммерческих целей» Германии в регионе порождало тревогу. Например, В.П. Вошинин, опубликовавший в 1915 г. работу с характерным названием «Современные задачи России на севере Персии»²⁰, резко критикует Потсдамское соглашение, в соответствии с которым Россия должна была соединить Багдадскую дорогу с Тегераном, поскольку это означало «собственными руками задушить свое собственное детище – все достигнутые, во всяком случае не без труда русские успехи на внутренних рынках Персии. Благодаря этой дороге доставка всякого иностранного товара от Персидского залива в Тегеран долж-

на была уже обойтись значительно дешевле, чем от любого пункта русско-персидской границы»²¹. Он полагал, что отечественные товары вряд ли выдержат свободную конкуренцию с иностранными.

Наконец, если подняться еще на один уровень выше, то необходимо взглянуть на ситуацию не только с региональной, но и с глобальной точки зрения, с учетом сложившихся к 1914 г. глубоких противоречий между великими державами, порожденных их конкуренцией, что привело в итоге к Первой мировой войне. И в этом контексте после начала военных действий германский фактор приобретает особое значение. Причем, что характерно, он проявился двояко, не только в области внешней политики, но и сказался на ситуации внутри страны. Великая война, ставшая первой в XX веке тотальной войной, среди прочих последствий имела, как известно, бурный всплеск национализма в воюющих странах, при этом национализма агрессивного, с сильно выраженной шовинистической и ксенофобской составляющей. Применительно к Российской империи это проявилось в резком росте антигерманских и антинемецких настроений, что весьма плачевным образом сказалось на положении русских немцев²².

Конечно, начало военных действий с Германией и Австро-Венгрией самым непосредственным образом коснулось рассматриваемого региона. Во-первых, Иран в целом играл весьма важную роль в стратегических планах как Антанты, так и Центральных держав. Хорошо известно, что в годы войны Германия и Османская империя развернули в стране масштабную разведывательную и агитационную работу, а Россия и Великобритания были вынуждены прилагать серьезные усилия, чтобы ей противодействовать. В ходе военных действий, развернувшихся на территории Ирана, несмотря на заявленный им нейтралитет, российские войска заняли территории на севере страны, британские силы действовали на юге²³. Удержание контроля над примыкающими к Закаспийской области провинция-

ми страны, как и недопущение распространения в них германского влияния, виделось важной задачей. При этом, что характерно, именно в эти годы (1914-1916) активность российских властей по содействию переселенческому освоению Астрабадской и Мазандеранской провинций достигает пика. И здесь внешняя политика страны напрямую смыкалась с внутренней.

Совпавшие хронологически два процесса – активизация политики приобретения земель, развития переселенческой колонизации региона и рост германофобии в России – приводили к тому, что российские подданные немецкого происхождения, участвовавшие в процессах освоения края, воспринимались многими вовлеченными лицами с подозрением и недоброжелательностью. Этнические немцы не считались более лояльными подданными Империи, теперь для многих россиян они выступали в качестве «чужих». Обострилось ощущение культурных, религиозных, бытовых различий, более жесткими стали границы между «своими» и «чужими». В полной мере это касалось и вновь осваиваемых (т.е. делаемых «своими») провинций Персии. Коль скоро скупка земель и переселенчество воспринимались вовлеченными лицами как своего рода «национальный» проект, обусловленный серьезными стратегическими интересами России, то и осуществляться он должен был такими русскими людьми, лояльность которых не вызывала сомнений, как и их «русскость». Это была эпоха тесного смыкания национализма гражданско-политического с этническим.

Все эти процессы находили отражение в риторике, стали частью дискурса обсуждения проблематики. Уже упоминавшийся Вошинин, рассуждая о «немецких замыслах» в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, пишет: «Так, в первую очередь, внимание германцев было обращено на их же соотечественников *русско-подданных немцев*, переселившихся из России в Астрабадскую провинцию вместе с другими, действительно русскими и по вере, и по наци-

ональности, переселенцами»²⁴. Оговорка про «действительно русских» характерна. Другой автор, Сахаров, описывая опасности со стороны Германии и немцев для российской колонизации региона и влияния в целом, сообщает, что, хотя до сих пор в Астрабадскую провинцию переселялись лишь русскоподданные немцы, но публикации в германских газетах с призывами к переселению в регион могут повлиять на ситуацию. Более того, он пишет: «С другой стороны, кто может поручиться, что и русские немцы при их известном душевном тяготении к Германии и ко всему вообще немецкому (которое в пределах России они стараются скрывать) не проявят здесь его более осязательным образом, хотя бы переходом обратно в германское подданство»²⁵.

Участие этнических немцев в деле переселенческой колонизации виделось многим нежелательным еще из-за опасений того, что они будут успешнее «действительно русских». Несмотря на многократно повторяемые в различных текстах соображения о благотворном воздействии русского землевладения и переселенчества для развития региона – в духе идей «цивилизаторской миссии» России – одновременно часто высказывались мысли, что этнические русские могут не выдержать конкуренции с поселенцами иного происхождения как в материальном, так и в культурно-цивилизационном плане²⁶. Тот же Сахаров писал: «Являясь в край со сравнительно большими средствами, более активные и интеллигентные немецкие переселенцы всегда могут вырвать хороший участок у нашего безденежного темного мужика»²⁷. Здесь опять видно противопоставление «нашего» мужика и выступающего в качестве «чужого» немецкого поселенца.

Серьезную озабоченность вызывал рост крупных землевладельческих хозяйств, принадлежавших этническим немцам. Сахаров, дающий подробную характеристику товариществу «Астрабад» (основателем которого был вышеупомянутый Карл фон Самсон-Гиммельштерн), среди проче-

го сообщает, что половину арендованной площади предполагается сдавать в аренду переселенцам, по 15 руб. за дес. в год. Сахаров полагает, что: «Столь высокая арендная цена, очевидно, указывает на желание привлечь немецких переселенцев, так как русские не в состоянии пойти на такие условия». Тут же дается ссылка следующего содержания: «Насколько нам известно, товарищество “Астрабад” составлено преимущественно из немецких дворянских элементов Прибалтийского края. А какие тенденции господствуют среди этого дворянства, говорят нам многие общеизвестные факты»²⁸.

Надо сказать, что подобные умонастроения не были тайной для русских немцев, что вели дела в прикаспийских провинциях. В письме в Министерство от 20 ноября 1914 г. фон Самсон описывает впечатления от полугодового пребывания в Персии, рассматривая в том числе текущее положение дел, состояние переселенческих хозяйств, перспективы земледелия в крае (в частности хлопководства), роль консула и командированного в регион чиновника Переселенческого управления и проч., и проч. Завершая свое письмо, он с сожалением сообщает: «некоторые представители печати, как напр[импер]. г. Могилев из “Нового Времени” пишут совершенно вздорные статьи о здешнем положении с абсолютно неверными данными и тем напрасно соблазняют бедных русских мужиков, погибающих здесь от болезней и нищеты. Одна из его статей в “Новом Времени” от 18 Октября № 13866, в которой упомянуто также и наше общество, как по совершенно неверным данным, так и по неправильной националистической окраске, может по моему мнению причинить большой вред. Консул хотел по поводу этой статьи отправить донесение в Петроград»²⁹. Пожалуй, имеет смысл упомянуть, что получателем письма был директор Среднеазиатского отдела МИД Василий (Вильям) Оскарович фон Клемм.

Упомянутая статья в «Новом Времени» и впрямь весьма показательна. Вышедшая

под заголовком «Немцы в северной Персии», она содержит описание богатств и перспектив Астрабада и Мазандерана, «сказочных урожаев» хлеба, возможностей ввиду транспортной доступности доставлять в Россию продукты, которые ввиду войны не могут поставляться из-за границы, и проч., но главное же – нагнетание ощущения германской угрозы в регионе. Вот характерная фраза: «Пока наши русские предприниматели сносились с дипломатами, судили да рядили о возможности Русским заниматься земледелием в Персии, Немцы со свойственной им настойчивостью и нахальством захватывают богатейшие и плодороднейшие земли северной Персии...»⁵⁰. Важно отметить, что во всех приводимых примерах приобретения земель нигде не упоминается, о подданных какой страны идет речь.

Итак, все вышесказанное наглядно демонстрирует, насколько значимым был германский/немецкий фактор в эпоху Великой войны для российской политики. Он проявлялся одновременно на нескольких уровнях – на уровне глобальной междержавной конкуренции, на уровне соперничества европейских стран в регионе Ближнего и Среднего Востока, наконец – на уровне решения конкретных задач Российской империи в прикаспийских провинциях Ирана – Астрабадской и Мазандеранской. Сложный характер давних межимперских связей, особенности подходов к освоению приграничных (фронтирных) пространств, специфика этноконфессионального устройства Империи обуславливали влияние германского/немецкого фактора как на внешнюю политику, так и на внутреннюю, при слабой возможности провести четкое разграничение между ними, особенно в условиях кануна (а затем и начала) Первой мировой войны, когда этот фактор превратился уже в «угрозу». Многообразные проявления его влияния и на ситуацию в Астрабадской и Мазандеранской провинциях непосредственно, и в более широких контекстах, при обсуждении всей этой проблематики на раз-

ных уровнях, в настоящее время оставляют куда больше вопросов, нежели имеется ответов. Все это делает исследование влияния германского/немецкого фактора на политику Российской империи в прикаспийских провинциях актуальной и важной научной задачей, которая не может быть решена в рамках одной статьи. В настоящей работе была предпринята попытка лишь наметить основные уровни и возможные направления изучения этой обширной темы. Как было показано, казалось бы, локальная проблема развития российского землевладения и переселенческой колонизации Астрабадской и Мазандеранской провинций в контексте «германской угрозы» с необходимостью требует более широкой исследовательской рамки, позволяющей увидеть, как на разных уровнях и в различных формах происходил процесс межимперского взаимодействия и взаимовлияния в драматическую эпоху Великой войны, когда казавшиеся незыблемыми связи континентальных империй Европы стали стремительно деградировать и разрушаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917): Сб. ст. / ред. Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А. М., 2010.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 144. Оп. 489. Д. 240. Л. 145 об. – 147.

³ См. об этом, например: *Бессонов Б.В.* Русские переселенцы в Северной Персии. Петроград, 1915; Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Петроград, 1916; *Сахаров А.М.* Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Петроград, 1915; *Чиркин Г.Ф.* Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Петроград, 1916.

⁴ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. М., 1993. Лекция II.

⁵ См., например: *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов / Под ред. И.Р. Плева. М., 1997; *Плева И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М., 2000; *Герман А.А., Плева И.Р.* Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов, 2002; Плес-

- ская-Зебольд Э.Г. Одесские немцы: 1803–1920. Одесса, 1999; *Семакин С.И.* Колонистское движение и немецкая миграция в Российской империи и СССР. М., 2003; Немцы в России: Историко-документальное издание. СПб., 2004.
- ⁶ *Катин-Ярцев М.Ю.* Балтийско-немецкое дворянство на российской службе, конец XVIII – начало XX в.: дисс. канд. ист. наук. М., 2000.
- ⁷ Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Петроград, 1916. С. 308.
- ⁸ *Чиркин Г.Ф.* Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Петроград, 1916. С. 1.
- ⁹ *Сахаров А.М.* Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Петроград, 1915. С. 45.
- ¹⁰ Переселение и землеустройство за Уралом... С. 305.
- ¹¹ *Бессонов Б.В.* Русские переселенцы в Северной Персии. Петроград, 1915. С. 87.
- ¹² *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A study in Imperialism. New Haven and London: Yale University Press, 1968. P. 675–676.
- ¹³ См., например: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М. – Мн., 2001. С. 86–89.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 497 б. Л. 5.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 240. Л. 125–126.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 497 б. Л. 123.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 497 б. Л. 41–44.
- ¹⁹ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 405–407.
- ²⁰ Она вышла и отдельной брошюрой, и в качестве раздела в периодическом издании Переселенческого управления. См.: *Воцинин В.П.* Современные задачи России на севере Персии. Петроград, 1915; *Воцинин В.* Современные задачи России на севере Персии // Вопросы колонизации: периодический сборник / под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. № 17. Петроград, 1915. С. 26–51.
- ²¹ *Воцинин В.П.* Современные задачи России на севере Персии. Петроград, 1915. С. 13.
- ²² *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.
- ²³ См. об этом, например: *Емельянов А.Г.* Казаки на персидском фронте (1915–1918). М., 2007; *Moberly F.J.* Operations in Persia. 1914–1919. Facsimile Edition with Introduction by Dr. G.M. Bayliss. London, 1987.
- ²⁴ *Воцинин В.П.* Современные задачи России на севере Персии... С. 21.
- ²⁵ *Сахаров А.М.* Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии... С. 23.
- ²⁶ Относительно опасений, что «цивилизаторский» потенциал русских колонистов может оказаться недостаточным, их сомнительности в качестве культуртрегеров, применительно к переселенцам в Азиатскую Россию см.: *Суворова Н.Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. № 11 (29). С. 132–179; *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные» культуртрегеры // *Ab imperio*. 2008. № 2. С. 157–222.
- ²⁷ *Сахаров А.М.* Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии... С. 23.
- ²⁸ Там же. С. 48.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 497 б. Л. 135 об.
- ³⁰ *Могилев Ю.* Немцы в северной Персии // Новое Время. 18 (31) октября 1914 г. № 13866. С. 14.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 144. Оп. 489. Д. 240; Д. 497 б.
2. *Бессонов Б.В.* Русские переселенцы в Северной Персии. Петроград, 1915.
3. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М. – Мн., 2001.
4. *Воцинин В.* Современные задачи России на севере Персии // Вопросы колонизации: периодический сборник / под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. № 17. Петроград, 1915. С. 26–51.
5. *Воцинин В.П.* Современные задачи России на севере Персии. Петроград, 1915.
6. Герман А.А., Плева И.Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов, 2002.
7. *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов / Под ред. И.Р. Плева. М., 1997.
8. *Емельянов А.Г.* Казаки на персидском фронте (1915–1918). М., 2007.
9. *Катин-Ярцев М.Ю.* Балтийско-немецкое дворянство на российской службе, конец XVIII – начало XX вв.: дисс. канд. ист. наук. М., 2000.
10. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. М., 1993.
11. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

12. Могилев Ю. Немцы в северной Персии // Новое Время. 18 (31) октября 1914 г. № 13866. С. 14.
13. Немцы в России: Историко-документальное издание. СПб., 2004.
14. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г.). Петроград, 1916.
15. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М., 2000.
16. Плеская-Зебольд Э.Г. Одесские немцы: 1803–1920. Одесса, 1999.
17. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные» культуртрегеры // Ab imperio. 2008. № 2. С. 157–222.
18. Сахаров А.М. Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии. Петроград, 1915.
19. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952.
20. Семакин С.И. Колонистское движение и немецкая миграция в Российской империи и СССР. М., 2003.
21. Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. № 11 (29). С. 132–179.
22. Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Петроград, 1916.
23. Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / ред. Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А. М., 2010.
24. Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A study in Imperialism. New Haven and London: Yale University Press, 1968.
25. Moberly F.J. Operations in Persia. 1914–1919. Facsimile Edition with Introduction by Dr. G.M. Bayliss. London, 1987.
3. B`yukenen Dzh. Memuary` diplomata: Vospominaniya, memuary`. M. – Mn., 2001.
4. Voshhinin V. Sovremenny`e zadachi Rossii na severe Persii // Voprosy` kolonizacii: periodicheskij sbornik / pod red. G.F. Chirkina i N.A. Gavrilova. № 17. Petrograd, 1915. S. 26–51.
5. Voshhinin V.P. Sovremenny`e zadachi Rossii na severe Persii. Petrograd, 1915.
6. German A.A., Pleve I.R. Nemcy Povolzh`ya: Kratkij istoricheskij ocherk. Saratov, 2002.
7. Ditz Ya. Istoriya povolzhskix nemcev-kolonistov / Pod red. I.R. Pleve. M., 1997.
8. Emel`yanov A.G. Kazaki na persidskom fronte (1915–1918). M., 2007.
9. Katin-Yarcev M.Yur. Baltijsko-nemeczkoe dvoryanstvo na rossijskoj sluzhbe, konec XVIII – nachalo XX vv.: diss. kand. ist. nauk. M., 2000.
10. Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. Polny`j kurs lekcij. M., 1993.
11. Lor E`. Russkij nacionalizm i Rossijskaya imperiya: kompaniya protiv «vrazheskix poddannyx» v gody` Pervoj mirovoj vojny`. M., 2012.
12. Mogilev Yu. Nemcy v severnoj Persii // Novoe Vremya. 18 (31) oktyabrya 1914 g. № 13866. S. 14.
13. Nemcy v Rossii: Istoriko-dokumental`noe izdanie. SPb., 2004.
14. Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1915 g. (Otchet o rabotax Pereselencheskogo upravleniya za 1915 g.). Petrograd, 1916.
15. Pleve I.R. Nemeckie kolonii na Volge vo vtoroj polovine XVIII veka. 2 e izd. M., 2000.
16. Plesskaya-Zebol`d E.G. Odesskie nemcy: 1803–1920. Odessa, 1999.
17. Remnev A.V., Suvorova N.G. «Russkoe delo» na aziatskix okrainax: «russkost`» pod ugrozoi ili «somnitel`ny`e» kul`turtregery` // Ab imperio. 2008. № 2. S. 157–222.
18. Saxarov A.M. Russkaya kolonizaciya Astrabadskoj provincii v Persii. Petrograd, 1915.
19. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856–1917. M., 1952.
20. Semakin S.I. Kolonistskoe dvizhenie i nemeckaya migraciya v Rossijskoj imperii i SSSR. M., 2003.
21. Suvorova N.G. «Obrusenie» aziatskix okrain Rossijskoj imperii: optimizm i pessimizm

REFERENCES

1. Arxiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). F. 144. Op. 489. D. 240; D. 497 b.
2. Bessonov B.V. Russkie pereselency v Severnoj Persii. Petrograd, 1915.

- russkoj kolonizacii // Istoricheskie zapiski. M., 2008. № 11 (29). S. 132–179.
22. *Chirkin G.F.* Otchetnaya zapiska o poezdke vesnoj 1916 g. v Astrabadskuyu i Mazanderanskuyu provincii Severnoj Persii. Petrograd, 1916.
23. Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917): Sb. st. / red. Aust M., Vul'pius R., Miller A. M., 2010.
24. *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A study in Imperialism. New Haven and London: Yale University Press, 1968.
25. *Moberly F.J.* Operations in Persia. 1914–1919. Facsimile Edition with Introduction by Dr. G.M. Bayliss. London, 1987.

**“GERMAN THREAT” AND RUSSIAN LAND OWNERSHIP
IN THE CASPIAN PROVINCES OF IRAN DURING THE ERA OF THE WORLD WAR I
(PROBLEM STATEMENT)**

© 2024 A.B. Larin

Institute of World History (Moscow)

The author raises questions about the influence of the German factor, the «German menace» on the formation and development of Russian land ownership and resettlement colonization in the Caspian provinces of Iran. It is noted that in the conditions of the eve and then the beginning of the First World War, this factor played an important role both in terms of the implementation of practical measures for the exploration of the Astarabad and Mazanderan provinces by Russia, and in terms of shaping the discourse of discussion of this issue by state representatives and in the media, publicism. The author suggests that this problem can be considered at several levels and in several dimensions, and outlines the main directions of further study of the topic.

Keywords: Russia, Iran, Astarabad, Mazandaran, World War I, Resettlement Department, resettlement, the Germans.

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-1-139-149

EDN: PVWVXM